

Владимир Казаков

**Планеры уходят
В НОЧЬ**

цикл: Лётчики (книга первая)

Владимир Казаков

Планеры уходят в ночь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12271911

ISBN 9785447430825

Аннотация

Вот что автор написал о своей книге: «Я попробовал написать о пилотах Саратовской военно-авиационной планерной школы воздушно-десантных войск. Пусть читатель не ищет в повествовании подлинных имён, но дух времени я попытался сохранить неприкосновенным и в основу положил действительные события».

Содержание

Глава 1. Почти мальчишки	6
Военное воскресенье	6
«Мертвая петля»	14
В ангаре	27
По следу	35
Глава 2. Начало испытаний	47
Шаг в сторону	47
Право на риск	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Планеры уходят в ночь

Цикл «Лётчики».

Книга первая

Владимир Казаков

© Владимир Казаков, 2015

Редактор Елена Бессонова

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Матери – Анастасии Николаевне

Эту повесть написал мой дед – Казаков Владимир Бори-

сович. Заслуженный лётчик испытатель, член Союза писателей СССР, автор 28 книг. И посвятил её своей матери – Анастасии Николаевне. Деда нет с нами больше 10 лет. И все эти годы я и моя мама вспоминаем его добрым словом. Нам его очень не хватает.

Теперь я тоже автор 12 книг написанных для детей и член Российского союза писателей. Пришло время собирать камни. Всему приходит свой срок, и важно, чтобы любое дело было сделано вовремя. Я попыталась заново отредактировать эту повесть, чтобы она ожила и по-прежнему была интересна современному читателю. Теперь я принимаю ответственность за написанное на себя.

Елена Бессонова

Глава 1. Почти мальчишки

Военное воскресенье

В воскресный день Сенной базар похож на растревоженный улей: сунь палец – ужалят. Так думал Ефим Мессижник, подходя к толкучке, в которой действительно сновали подозрительные типы, жирующие на бедах войны.

– Чаво надо? Чо имешь? – заступил дорогу небритый парень и, лениво подождав, пока Мессижник презрительно измерит его взглядом от сломанного козырька смятой военной фуражки до сапог-гармошек, исчез.

– Кто угадает карту, получит за рупь три красненьких... Три по тридцать за рупь! Попытай счастья... – звенел детский голосок в правом ухе, а слева тихо, почти умоляюще: – Серебряная. От мужа осталась, упокой его, боже! – Повернулся Мессижник, видит: согбенная старушка в драном сером полушалке крестится, а в сморщенной ладони ее круглый кусочек белого металла – царская медаль.

– Зачем так, мать?

– Не украла я. От мужа осталась. Ерой был... Хлебцем возмести или маслицем.

В кармане у Мессижника три солдатских пайки хлеба, взял, когда ехал на товарную станцию разгружать вагон с зап-

частями для самолетов. Думал, задержится – пожует. Не пришел вагон. На обратном пути остановил Ефим полуторку у Сенного базара, слез, пошел хлеб на табак для ребят смеяться.

– Натё, бабуся, – протянул он ржаной ломоть.

– Мало, касатик, серебряная она, на зуб пробовала!

– Я ж вам так даю, бесплатно.

– Нет, и нет, и нет, я не нищая, тогда возьми, возьми, голубок, – сунула в руку ему медаль, и он еле успел удержать старушку, отдал последние два куска.

Собрался уходить, а перед ним тот же парень в мятой военной фуражке подрагивает коленкой в широкой брючине, скрипит носком новенького сапога.

– Положил я на тебя глаз, кореш. Если нужна будет медалька этой войны с документом, с утра к пивному ларьку жмись, засеку. Где вкальываешь-то? Фабричный? Ну, ну, не особенно-то буркалами блести...

– Па-а-труль! – заголосила баба, обвешанная стираными солдатскими штанами.

Вмиг поредела толпа, и будто рассек ее надвое истошный вопль. В «просеке» Мессижник увидел курсантов из военно-планерной школы, где он работал по найму заведующим складом запасных частей. Знакомые ребята Владимир Донсков и Борис Романовский, в новенькой полевой форме, с красными повязками на рукавах, придерживая ремни карабинов у плеча, медленно двигались прямо на него...

– Ты чего здесь потерял, Фима? – спросил Донсков.

– Да вот... – посмотреть, – не сразу нашелся Мессижник. – Хотел хлеб на табак разменять.

– Не связывайся с охламонами. Мы уже двоих самогонщиков выловили. Куда сейчас?

– Домой пойду, Володя.

– Тебе хорошо, а нам здесь торчать до захода. Служба!.. Ну, пока, Ефим!

– До завтра! – попрощался и Романовский.

Курсанты сочувственно посмотрели вслед Мессижнику, их сверстнику, которого никогда не возьмут в армию. Он уходил, чуть припадая на правую, Кроткийкую с рождения, ногу.

...К вечеру с юга пополз туман, медленно растекаясь по берегам Волги. Блекли случайные огоньки затемненных улиц, нахохлились и полиняли домики в Глебучевом овраге под Соколовой горой. Город затягивался серым покрывалом, тонул в настороженной тишине.

Быстро темнело. Владимир Донсков и Борис Романовский неторопливо поднимались в гору по узкой тропке, виляющей в зарослях бересклета и акаций.

Донсков шел, нагнув голову, но ветки то и дело пытались сорвать натянутую до ушей пилотку, царапали руку, выставленную перед лицом.

Романовский проходил кустарниковые туннели согнувшись.

– Вов? Ты серьезно задумал насчет «мертвой петли»?

– Заяц трепаться не любит.

– А рассыплешься?

– Мне же сегодня цыганка сказала, что умру на мягкой перине.

Вспыхнул прожектор, белым глазом прошарил кусты, и над военным городком повис тревожный вой сирены.

– Володя, прибавь газ! – Романовский легко толкнул товарища снятым с плеча карабином.

Они прибежали в казарму и сразу натолкнулись на дежурного командира.

– Парный патруль прибыл из города. На Сенном базаре и в подворотне ка Горной улице были задержаны два спекулянта и сданы в комендатуру. Больше происшествий нет! – доложил Донсков.

– Как самочувствие?

– Нормально.

– Тогда в строй!

Здание гудело от топота солдатских ног. Хлопали дверки ружейных пирамид. Сухо щелкал затвор, приклад стучал о бетонный пол – боец в строю.

– На сей раз тревога не учебная! – сказал дежурный командир, и в шеренгах затих последний говорок. – Наше подразделение выделено для облавы на ракетчиков в районе нефтеперерабатывающего завода. Делимся на три группы. Первую возглавляю я. Вторую – лейтенант Дулатов. Третью –

старшина летной группы Кроткий. Машины подойдут к воротам.

Ожидая автомашины, курсанты стояли около казармы и смотрели в темное небо. Редкие облака текли по нему серенькими грядами, закрывая неяркие крошечные звезды.

– Первые на подходе!

Бомбардировщики, прерывисто воя моторами, проплывали над Соколовой горой и выходили на скрытый туманом город. Они летели невысоко, было видно яркое выхлопное пламя двигателей. Через несколько минут в южной части города загремели взрывы. С земли пытались нащупать самолеты прожекторами, но лучи не пробивали туман и, безуспешно поцарапав его, затухли.

Прекратились и взрывы. Немецкие самолеты кружились над городом в странном бездействии. Не вздрагивала земля, не круглились шапки зенитных разрывов, только нудный вой моторов заполнял небо.

Но вот из пелены тумана вынырнули ракеты и распустили зеленовато-красные космы. Там, где вспыхивала ракета, самолеты вешали на парашютиках светящиеся бомбы и, ориентируясь на них, бросали фугаски и зажигалки.

Все новые и новые самолеты тянулись к городу, пролетая над аэродромом. На крыше казармы, у установленного там скорострельного пулемета ШКАС, пришёл в движение наблюдатель. В темноте заплясали пучки огня, и голубоватая нить трассирующих пуль потянулась к самолету, но прошла

мимо и потухла. Из строя курсантов метнулась темная фигура, за ней – вторая, ребята ползли к наблюдателю.

– Дай-ка я! – послышалось с крыши.

Следующий бомбардировщик шел чуть повыше. Курсанты на крыше замерли. Секунда, вторая – и самолет почти вышел из зоны обстрела.

– Давай! – хором закричали курсанты. Пулемет застучал дробно и деловито, его голубая трасса уперлась в заднюю кабину самолета, оттуда ответила малокалиберная пушка немецкого стрелка. Один снаряд сбил водосточную трубу казармы, от другого разлетелись в щепы перила пулеметной площадки. Курсанты бросились под стены. Но пулемет на вышке не замолкал, и вот крыло самолета занялось огнем.

– Отвоевался, фриц! – довольно сказал старшина Кроткий. – Кто стрелял?

С крыши неторопливо слез Владимир Донсков, за ним почти скатился по лестнице Борис Романовский.

– Дай лапу! – старшина пожал Донскову руку. – Поощрим!

– Не забудь и Бориса, он тощий, ходатайствуй перед поваром о двойной порции гуляша.

– Объединись, – проворчал Кроткий, но ходатайствовать пообещал.

С притушенными фарами подошли машины.

Автомобили с курсантами неслись по затемненному Саратову, освещая дорогу синими подфарниками. Иногда впереди описывал красный круг фонарик патрульного – головная

машина отвечала троекратным миганием. До крекинг-завода доехали с ветерком, попрыгали из кузова и быстро построились по группам.

– Рассредоточиться вокруг намеченных объектов и ждать второй волны. Сигнал – свисток! – почти шепотом передавалась команда.

Вторая волна дальних бомбардировщиков «Хейнкель-111» вышла на город и пролетев над территорией нефтеперерабатывающего завода развернулась на второй круг. А немного позже корпуса завода, бензобаки, подъездные пути осветились бледным светом кем то выпущенных с земли ракет. Туман смазывал очертания зданий, – цистерны расплывались в нем густыми пятнами.

Вывел трель командирский свисток.

Курсанты поднялись из засад, с винтовками наперевес двинулись вперед, сужая огромное кольцо. Ямы, залитые нефтью с водой, покореженные баки, кучи щебня и полустогоревших бревен разъединяли неплотные цепи людей, и они, чтобы в темноте не потерять друг друга, сбивались в небольшие группки.

В сторону моста метнулась ракета, послышались выстрелы. Ракета брызнула звездочками и, будто пойманная чьей-то рукой, мгновенно затухла.

Группа старшины Кроткий подошла к подорванному нефтебаку. Поврежденный бомбой несколько дней тому назад, он стоял бесформенной черной громадой. Фонарики освещали

тили рваные бока. Стальные листы, взметнув острые края, нависли над воронкой, заполненной нефтью. Чрево бака ухнуло эхом близкого взрыва. Романовский оступился и начал сползать в яму, бормоча ругательства. Под узким лучом сверкнула маслянистая поверхность, и сильные руки кого-то из товарищей вытащили его.

– Уграздило растяпу! Весь в мазуте... В чем на полеты завтра пойду? – ворчал Романовский.

– Не завтра, а уже сегодня.

– Разговорчики! – цыкнул Кроткий.

Тройной свист – знак отбоя – остановил ребят. Они и не заметили, когда в небе стало тихо...

«Мертвая петля»

Учебные полеты на аэродроме военно-планерной школы подходили к концу. Горячее солнце медленно теряло высоту. Легчики – буксировщики планеров вываливались из кабин, и с удовольствием вытягивались на пожухлой от жары траве под широкими крыльями У-2¹. С рассвета они горбились в кабинах самолётов. В воздухе их укачивали нисходящие и восходящие потоки, да еще планеристы дергали за стометровые тросы иногда так, что казалось: вырывают душу. Теперь все. Последняя сценка подходит к аэродрому с маршрута, последний планер отрабатывает пилотаж, да и какой там пилотаж: виражи, пологие спирали, то есть те элементы полета, которым воробьиха учит своих птенцов через несколько дней после рождения. И легчики, лениво щурясь, снисходительно поглядывали на планер.

Смотрели на планер и двенадцать ребят из группы лейтенанта Дулатова. Молодому инструктору показалось странным необычное возбуждение курсантов в конце летного дня. Особенно старался Борис Романовский: он не медиатором, а пальцами рвал басовые струны малой гитары и хрипловато, с надрывом пел, стараясь привлечь к себе внимание:

¹ У-2 – многоцелевой биплан, созданный под руководством Н. Н. Поликарпова в 1927 году. Один из самых массовых самолётов в мире.

*Рев мотора. Звон троса
Уплывают в небеса
Бригантины на сказочных крыльях.
Месяц острый, как коса,
И на полных парусах
В черный омут летит эскадрилья...*

Но курсанты, обычно любившие слушать немудреные песни Бориса, сейчас явно не обращали внимания на оравшего во всю глотку певца. Некоторые сдвинули пилотки на глаза, кое-кто повернулся спиной к инструктору, и все старались скрыть, что глаза их усердно косят в небо.

Воздух взорвался гулом, над летным полем низко прошел истребитель, выписывая двойную управляемую «бочку».

Командир планерного отряда капитан Бурков, маленький, плотный, с кавалерийским разводом обутых в обмотки ног, аж подскочил на месте:

– Лих-а-ач! Видит же, что аэродром работает!

– На фронт торопится. Им, счастливчикам, все дозволено. Летчики! Не то, что мы, как лошади, в фаэтон запряженные, – позавидовал командир звена буксировщиков старший лейтенант Костюхин, детина – косая сажень в плечах, в блестящей кожаной куртке, модных бриджах и начищенных до блеска сапогах. – Антон Антонович, не пора ли закругляться, твои планеристы прокисают уже?

– Ну да! – возразил Бурков. – Ишь задрали головы вверх, тоже, поди, завидно!

Но курсанты смотрели не вслед истребителю, и первым из командиров об этом узнал лейтенант Дулатов.

– Побачьте, товарищ лейтенант! Посмотрите! – Дулатов обернулся на голос и встретился глазами со старшиной группы Кротким. В группе прозванным «Боецманом». Тот моргнул, рыжие брови взметнулись вверх, и Дулатов непроизвольно поддался знаку: тоже поднял голову.

Под сиреневым облаком планер А-2², выйдя из спирали, вздрогнул крыльями и опустил нос. Разгоняясь на пикировании, он рвал воздух, и комариный гуд расчалок заполнял небо, переходил в приглушенный свист. Еще три-четыре секунды такого падения, и не выдержат подкосы, оторвутся крылья старенького летательного аппарата. Дулатов сжал кулаки, сдерживая себя, повернулся к Кроткий:

– Что он задумал, разгильдяй? Э-эх, дурак! Донсков?

– Так точно – Володька! – тихо ответил Кроткий.

В кабине планера сидел курсант Донсков. Через летные очки он внимательно следил за движением стрелки прибора скорости.

«...Спокойней, старик! Нарастает свист, Пора! Бери на себя штурвал. Ну, действуй же! Не резко, плавненько, а то сложаются крылышки, как паруса в штиль. Запели ванты-расчалки³, ухнула вниз земля. На плечи давит килограммов три-

² ПЛАНЕР А-2—прототип **планера А-2** был построен в 1942 году по проекту Антонова, за что и получил название. Он предназначался для обучения планеристов.

³ **Ванты-расчалки** – механическая тяга в виде троса, проволоки или стерж-

ста. Тяжеловато с непривычки. Надо напрячь живот – будет легче. Для этого лучше закричать: а-а-а!.. Ну что разорался? Кровь уже отливает от головы. Ты повис на ремнях, а твой планер царапает облако зеленым брюхом. Еще чуть штурвальчик на себя! На голову обваливаются поля, сыплются домишки Саратова. Крутится земля, вертится! Только шарик почему-то не голубой, а испачканный кисточками первоклашек: блеклые оттенки, размазанные зеленые пятна... Отчего так жалобно закряхтели шпангоуты⁴? Не должно быть! Не должно, а если? У-фф, кажется, обошлось! Порядок! Интересно, о чём думал Чкалову, пролетая под мостом? Был ли он таким же мокрым, как сейчас ты? Вряд ли. Наверное, парень ты пожиже характером. Черта с два! Всё! Всё-ё-ё-ё. И все-таки облако похоже на сиреневый куст...»

Планер вышел на черту горизонта. Встала на место земля. С неё все видели, как «фанерка» прокрутила петлю, пошла на вторую, потом сделала резкий нырок и, выйдя в горизонтальный полет, развернулась к аэродрому.

– Самоубийца, Ешь твою медь...! – услышал лейтенант Дулатов голос Костюхина и почувствовал за спиной тяжелое дыхание командира отряда Буркова. Как паровоз поднимает давление пара и плавно трогает с места, так и капитан «раздувает пары» и срывается, как камень, выпущенный из пра-

ней, применяемая для сохранения отдельных частей сооружения в определенном положении

⁴ **Шпангоуты** – деревянный или металлический поперечный элемент жёсткости обшивки корпуса летательного аппарата

щи. Дулатов не успел мысленно закончить аналогии, а капитан уже выскочил из-за его плеча, и над полем повисла протяжная команда:

– Станови-ись!

– Равня-а-йсь! Сми-ирно!

Курсанты планерного отряда, вытянувшись в четком строю – замерли. Предвкушая интересное зрелище, от самолетов спешили летчики. Они подковой сгруппировались позади Буркова и тихо разговаривали со своим командиром Костюхиным.

Планер выполнил четвертый разворот, скользнув на крыло, приземлился и посадочной лыжей длинно погладил траву. Около посадочного «Т» покачался, положил на полотнище знака левое крыло. Летчики одобрительно загудели.

– Курсанты лейтенанта Дулатова, пять шагов вперед – арш! – скомандовал Бурков. – Кру-гом! Стойте и ни шагу к планеру! Пусть новоявленный ас тащит его в одиночку. Разрешаю поддержать только крыло. Кто?

Бросилась вся группа.

– Отставить!.. Назад! Все на-а-зад!

Но к планеру мчался Борис Романовский.

– Двое суток ареста этому спринтеру за глухоту! – отрубил Бурков.

Борис подбежал к планеру и не схватился за конец крыла, а подпер плечами подкосную штангу. Из кабины вылез Владимир Донсков, встал под другое крыло. Они поднату-

жились, сдвинули планер, медленно потащили его к старту.

– Все видели! Боцман лейтенанту шепнул! – пропыхтел Романовский. – Вечером счищу ему ракушки с кия!

– Думаешь, можно было скрыть? Чепуха! Ну как, Боря?

– Ты знаешь, у меня аж дух сперло! Сам-то трухнул хоть капельку?

– Если б капельку, до сих пор коленки танцуют.

– Сейчас «Буряк» включит ревун и будет драить тебя, как медяшку! Ну, взяли, еще раз взяли, са-ама пошла!

Они подтащили планер, и Донсков подошел к Буркову с докладом, но тот махнул рукой и указал пальцем место перед строем.

– Надо ли объяснять, товарищи курсанты, в чем нарушил летную дисциплину курсант Донсков?.. По вашему молчанию вижу – не надо. Это уже хорошо... Курсант Кроткий!

– Я!

– Снять с нарушителя летное обмундирование, ремень и обмотки.

– Есть! – Кроткий подошел к Донскову, но тот уже раздевался сам. В комбинезон завернул шлем и обмотки, затащил сверток ремнем и бросил в руки Кроткийу. Теперь он стоял перед строем в майке, в широких, не по талии, старых хлопчатобумажных брюках и кирзовых ботинках. Бурков оглядел его сильную, атлетическую фигуру, и незаметная усмешечка наметила скобки у тонких губ.

– Брючный ремень снять!

Хохотнул и громко ударил себя по бедрам старший лейтенант Костюхин.

– Правильно, капитан! – сквозь смех проговорил он. – Пуговицы бы еще ему обрезать. Курица летать захотела! Оставьте синьору шлем, пусть рыцарем протанцует до острога!

– Старший лейтенант!

– Молчу, молчу, только посмотрите: он ведь орлеанскую деву изображает!

Кроткий подступил к Донскову, и наткнулся на яростный взгляд серых отчаянных глаз:

– Не посмеешь, Боцман!

– Приказ, Вовка. Давай пояс. Штанцы поддержишь руками.

– Отойди по-хорошему.

Бурков видел посеревшее лицо курсанта, вздувшиеся желваки, напряженные мышцы полусогнутых загорелых рук. Прядка русых волос прилипла к мокрому лбу, под прямым носом блестели бисеринки пота. Крепкая грудь бугристо напруглась. Казалось, тронь – и взовьется человек, как протуберанец. Предотвращая неладное, Бурков крикнул:

– В чем дело, Кроткий?

– По уставу не положено снимать этот ремень! – тяжело вытолкнул слова Донсков.

– Слышали, товарищи курсанты? – подходя к нему поближе, сказал Бурков. – Он, солдат, может позволить себе нару-

шение, а я капитан, – нет! Почему же? Давай, голуба, на равных служить. Ты устроил карусель в воздухе, хотел сломать себе голову и упечь меня в тюрьму, а я тебя наказываю тоже не по уставу, а по-своему. Не хочешь? Не так воспитан?.. Трудно тебе будет с двумя лицами жить. Найди свое, Донсков. За цирк – десять суток ареста. Проводите, лейтенант, своего пирата на гауптвахту, да не забудьте у его быстроногого друга – Бурков неласково посмотрел на Романовского, – гитарку отобрать. Наигрались!

Над полем лопнула и рассыпалась красными звездочками ракета. Ушли к самолетам летчики, запустили моторы, порулили к стоянкам. Курсанты, подперев плечами крыльевые подкосы, потащили планеры к ангарам. Быстро темнел сиреневый кусок облака над аэродромом.

Бурков догнал шагавшего впереди старшего лейтенанта Костюхина и похлопал по крутому плечу:

– Зачем оскорбил курсанта, Юрий Михайлович? Не каждый орел беркутом называется, но все же он орел. Еще раз, и – беседовать будем у командира!

Костюхин остановился, виновато наклонил голову:

– Пардон, Антон Антоныч! Знаешь, иногда какая-то козювка меня изнутри кусает – сам не рад. Извини!

* * *

Вечером начальник политотдела батальонный комиссар

Маркин, замещавший уехавшего на долгосрочные курсы начальника школы, слушал командиров.

– По курсу летной подготовки делать эту фигуру на планере А-2 не положено, – говорил Дулатов. – Большой риск. Планеры отработали все возможные и невозможные ресурсы, могут рассыпаться от средних перегрузок, а он летал без парашюта. Смелость безрассудная, слепая.

– И поэтому обязательно наказуемая, – вставил Бурков. – Все, что мог по уставу, я Донскову выдал.

– Да, планера требуют капитального ремонта, – сказал Маркин. – Меня интересует, как реагировали курсанты? Как восприняли?

Командиры переглянулись, замялись. Дулатов дипломатично молчал, предоставляя слово старшему. Бурков выпалил:

– Ему двенадцать стаканов компота приволокли на гауптвахту. Вот как!

Маркин беззвучно засмеялся. Косматые седые брови поднялись. Он вынул платок, вытер глаза, прокашлялся и хитро щурясь сказал:

– Компот – это хорошо! Компот – это здорово! Ох, сколько работы задаст нам ребятня! Мы ведь не были такими шустрыми, а?

– Ну, если не считать, товарищ комиссар, лихих кавалерийских атак на пустой желудок, плавания по-собачьи в грязи Сиваша, командования полками в семнадцать-двадцать

лет и другой мелочи – то не были... – отозвался Дулатов

– Тогда скажите, Дулатов, каким вы думаете воспитать своего планериста? Что должен знать, уметь пилот, окончивший нашу школу?

– Отлично летать... ну и стать настоящим красноармейцем.

– Давайте вспомним историю. – Маркин откинулся на спинку стула. – Немцы провели удачную десантную операцию по захвату неприступного с моря острова Крит. Успех обеспечили планеристы, под покровом ночи бесшумно высадив батальоны прямо на голову защитников Крита. И вот теперь мы создали первую школу военных пилотов-планеристов для подготовки бойцов с особыми качествами. Так, Бурков? Именно так! А чему учим? В основном летать. Мало обращаем внимания на специальную и психологическую подготовку. Забываем, что для выполнения боевой задачи в ребятах должны сплавиться бесстрашие и точный глазомер летчика, отвага десантника, тактическое мышление пехотинца, дерзость и смекалка разведчика и огромное, я подчеркиваю, огромное стремление к риску. Мы должны воспитывать в курсанте это стремление, чтобы он летал на задание и по приказу, и сам рвался, просил доверить ему самое ответственное и сложное. Вот минимум!.. Он летит в ночь, не ожидая милосердия. Щупает рассудочными глазами черноту, ищет сигнал посадки. Садится, обязательно мастерски, на неведомый кусок земли, разгружается, без сожаления

ния поджигает планер и становится пехотинцем, партизаном. Солдатом или командиром – зависит от обстоятельств, а бойцом самого переднего края – обязательно, способного действовать в одиночку и в большом коллективе одинаково разумно.

– Я чувствую в ваших словах косвенное оправдание поступка Донскова, – сказал Бурков.

– Не совсем поняли, капитан. – Телефонный звонок прервал Маркина. Прежде чем взять трубку, он досказал: – Таким, как Донсков, наша одежда тесновата, и они, естественно, стремятся из нее выпрыгнуть, но не очертя голову, скажу я вам... Алло!.. Да, я у телефона... Здравия желаю! Слушаю внимательно... Понял! Встретим! Сводку отослали... Понял. – Он положил трубку на рычаг. – Говорил с Москвой. К нам едет инспектор Центрального штаба партизанского движения полковник Стариков. Командировка длительная. Поняли? Чувствую, скоро на крылья наших ребят ляжет тяжелая нагрузка...

– А насчет Донскова скажу так: действовал он не очертя голову, а разумно. Вот нате бумажечку, разберитесь в загадочном шифре, кто-то подсунул её под дверь моего кабинета. Интересно кто? – Маркин протянул Дулатову листок.

Дулатов сосредоточенно изучал небрежно написанные цифры и сокращенные слова.

– Да-а-а – задумчиво растянул слово Дулатов – Полный расчет «мертвой петли» на планере А-2. А бумажечку-то

под вашу дверь подсунул вероятно «гитарист» Романовский, шустрый чертяка, когда только успел?

– Той петли, которую сегодня сделал Донсков. Надеюсь, ваши пираты больше не будут крутить крендели на не пилотажных планерах? – сухо сказал Маркин.

– Приму меры. Мне стыдно, товарищ комиссар, за игру своих подчиненных в этих... пиратов. Донсков их пичкает гнилой романтикой. Решительно прекращу!

– Вряд ли удастся. Иногда мечты детства остаются на всю жизнь. Между прочим, среди пиратов были не только жестокие, кровожадные морганы и флинты. Капитан Блад,⁵ – человек, готовый пойти на смертельный риск во имя чести, ради помощи товарищам...

Когда Дулатов ушел, Маркин наедине спросил Буркова:

– Почему вы один среди командиров носите обмотки? Вам же хорошие сапоги дают.

Капитан молчал.

– Может быть, экономические трудности, ведь вы шестой в семье?

– Нет, товарищ комиссар. В прошлом месяце у одного курсанта в полете размоталась обмотка и попала в тросы управления. Почти до земли шел, но все обошлось благополучно... В небе я хочу быть на равных с ними. Там что ко-

⁵ **Капитан Питер Блад** – вымышленный пират, главный герой серии книг Рафаэля Сабатини. Питер **Блад** – классический образ благородного разбойника, пирата с понятиями о чести и достоинстве.

мандир, что боец в одинаковых условиях должны быть. Так я... поношу пока.

Маркин глубоко затынулся дымом, закашлялся и в сердцах бросил окурок в пепельницу:

– Чертов табачище! Воли не хватает бросить. Как вы считаете, ваш отряд готов к переходу на тяжелые планеры?

– Почти.

– Такого слова в военном лексиконе нет! – неожиданно зло рявкнул комиссар. – Сводку Информбюро слышал? На фронте нашим приходится туго, немец прет на рожон!

– Подготовку максимально ускорим, товарищ комиссар.

– А люди? Выдержат? Пойдем в общежитие наведемся.

...В казарме они остановились у стенной сатирической газеты «На абордаж!» и невольно залюбовались отлично выполненным акварельным рисунком. За штурвалом маленького синего судка стоял огромный капитан с лицом курсанта Донскова, голый, прикрытый лишь концом паруса.

В ангаре

В субботу вечером, будучи дежурным по гарнизону, лейтенант Дулатов шел по аэродрому и увидел в одном из окон ангара электрический свет. Решил проведать, кто нарушает светомаскировку.

Легкая полусферическая крыша помещения для планеров удерживала густые острые запахи нитрокрасок, эмалистого клея и смазки. Дулатов осторожно двинулся по гулким бетонным плитам. Заметив светло-розовую полосу под дверью токарного цеха, он замедлил шаги, подкрался на цыпочках и прислушался. В цехе работали напильником по мягкому материалу. Шуршание напильника сняло настороженность. Теперь Дулатов догадывался, кого увидит склоненным над тисками, и все же дверь открыл потихоньку, без скрипа.

Жестяной абажур бросал яркий сноп света на растрепанные каштановые волосы, худые плечи и большие руки. Плавными расчетливыми движениями полукруглого напильника обрабатывалась фасонная эбонитовая деталь. Легкие неторопливые движения и та особая непринужденность мастера, колдовавшего над деталью в тисках, остановили Дулатова. Через минуту он постучал согнутым пальцем по листу дюраля, прислоненному к стене.

Острым краем напильника мастер нанес штрих, ощупал

деталь и довольно хмыкнул. Положил инструмент на верстак, вынул из кармана наждачную бумагу, осмотрел ее поверхность. Чем-то она его не устроила, и он достал другую, завернутую в тряпицу. Потом резким движением ослабил тиски и на широкую вытянутую ладонь, взвешивая, положил нож. По короткому массивному клинку скользнули блики и потухли в глубине матовой плексигласовой рукоятки.

– Романовский!

Нож, соскользнув с ладони, глухо ударил о цементный пол. Лицо Бориса Романовского в мгновение побледнело. Дулатов смотрел в растерянные глаза курсанта. Романовский досадливо махнул рукой, вытер пот со лба и взял нож.

– Не понимаю, – сказал Дулатов, глядя на странное изделие.

– Отцентрирован до грамма. С характером ваньки-встаньки, – быстро сказал Романовский и метнул нож в дальнюю стену. Резко свистнув, клинок прошил доску, застыл не качнувшись. Романовский вытащил его, протянул Дулатову.

– Попробуйте.

– Разве сумею?

– А вы бросьте, бросьте!

Дулатов повертел нож, почувствовал, как тяжела сталь клинка, полюбовался радужным набором ручки.

– Жалко, если расколется, но пусть вам неповадно будет заниматься такими поделками! – И он с силой пустил нож в обитую жестью стенку. Нож опять пронзительно свистнул,

а Дулатов вопросительно уставился в довольное, ухмыляющееся лицо курсанта.

– Два особо расположенных отверстия в кресте рукоятки подвывают в полете. А закалял сам! – со скрытой гордостью сказал Романовский и с трудом выдернул клинок из стены.

– Вы знаете – это лишнее. Я имею в виду свист. Десантнику ведь нож дается не для парада. Уберите отверстия... А, в общем, шагайте за мной к командиру отряда! – приказал Дулатов. – Пошли. За сколько продаете?

– Своей работой не торгую, – угрюмо откликнулся Романовский, еле поспевая за инструктором.

– Меняете? На что? В вашей тумбочке я видел пустую бутылку. На водку? Летали бы так, как пилите железки!

– По-вашему, железка? Пусть. Только не каждому дано сделать такую.

– Почему нож всегда летит острием вперед?

– В полый кончик залит свинец, а ручка облегчена почти до ажюра. При тренировке можно издалека попадать в тетрадный лист.

– Вот на таком листике и напишите объяснение о своих делишках и всех самоволках. Двух суток ареста оказалось маловато?

– Я не писака!

– Что? Поговорите еще! – Дулатов остановился и повернулся к Романовскому. – Каков тон! А? Каков тон! Знал всегда вас послушным, вежливым, а за последнее время... Да

ведь уже комиссару известно о ваших самовольных отлучках из расположения части.

– Самоволок не было. Поклеп.

– Вас отпускал старшина летной группы Кроткий. – Дулатов опять пошел вперед. – Но он такой же курсант, как и вы, не имел права это делать без моего согласия. Может, вы и устава не знаете? Дайте нож и подождите здесь!

Романовский остался стоять перед закрытой дверью в кабинет командира отряда, прислонился к стене, расслабил опущенные руки.

* * *

Капитан Бурков внимательно рассматривал нож.

– До авиации я был классным металлистом, Саша, а признаюсь, таких вещей не дельвал. Не потянул бы. Ювелирная работа. На экспорт! Жаль, если экспортируют на базар.

– Отказывается.

– Как он попал в цех?

– Свой ключ. Рабочие ушли, а охрану еще не выставляли.

– Отпусти парня. У них скоро ужин.

Дулатов приоткрыл дверь и в образовавшуюся щель крикнул:

– Романовский, шагом марш в казарму! А за незаконные поделки взыщу! Ишь, повадились!

– Сорвался на дискант, голуба! – укоризненно сказал ка-

питан.

– По-хорошему уже не получается!

– Уже? За три месяца инструкторской работы порох отсырел? Чаю хочешь? – Бурков вытащил из-под стола холодный эмалированный чайник, налил себе в кружку темный заварки. – Я вот, прежде чем гаркнуть, представляю, будто орут на меня. И часто успокаиваюсь. Не потому что злость мгновенно проходит, а просто стыдно становится. Инспектор из округа однажды на меня кричал, слюнями брызгал, так я хоть и умылся, а как вспомню – до сих пор оплеванным себя чувствую.

– Иногда ваш голос далеко слышно, – хмыкнул Дулатов, укоризненно взглянув на Буркова.

– Да не серчай! Голос слышно! – с удовольствием повторил Бурков. – Я же артист, Саша! Фигурой вот не вышел, Костюхин за глаза «крючком» зовет, а голос, правда, добрый. Если прислушаться, поймешь: употребляю его как инструмент.. Командиру очень тонкий музыкальный слух нужен, если правду говорят, будто в каждой душе есть своя струна. Не оборвать бы... – Бурков сделал крупный глоток и оставил кружку. – Вот комиссар мечтает сделать из этих ребят «бойцов особого качества», а я, прости, смотрю на них как на сирот. Жалко. И многие действительно будут сиротами к концу войны... Твой курсант зачем сделал нож?

– Для продажи или обмена. Позавчера в санпроверку у Романовского бутылку из-под водки в тумбочке обнаружили.

– Мне доложили, что завскладом Мессижник принес Донскову сверток. В нем угадывались две бутылки. Я распорядился поискать. В казарме – нет. А назавтра Донсков и Романовский просят в увольнение. Донскову недосиженные сутки на гауптвахте я заменил нарядами вне очереди, поэтому права на отпуск он не имеет. А может быть, имеет, потому что вчера ты объявил ему благодарность за отличную технику пилотирования. В общем, мы их отпустим, а ты с Кротким посмотришь, куда они пойдут.

– У Донскова в городе мать.

– Знаю. Работает в исполкоме. Домой он не пойдет: сейчас август и под любым кустом ресторан. Две бутылки им много. Может, девчат-зенитчиц пригласят? Так вот, Саша, если ребята с девицами будут, поступай корректно, в любом другом случае действуй по обстановке.

– Слежка?

– Не нравится? Хочется тебе или нет, а завтра ты пойдешь.

– Но...

– Лейтенант Дулатов!

– Есть!

– Спокойной ночи, Саша.

Дулатов ушел, а капитан Бурков склонился над планом летной подготовки. Отряд переходил на тяжелые планеры А-7⁶ но не хватало буксировщиков. В помощь стареньким

⁶ **Планер А-7**— А-7 – лёгкий десантный **планёр** О. К. Антонова времён Второй мировой войны. В годы Великой отечественной войны **планёры** буксирова-

самолетам Р-5⁷ и СБ⁸ для воздушных сцепок прислали трофейный бомбардировщик «Хейнкель-111» и два истребителя «харрикейн»⁹, но на них еще не переучились летчики. Сплошные «но» тормозили работу, а инспектор Центрального штаба полковник Стариков жал, требовал ускорить подготовку пилотов. Бурков считал настойчивость полковника предтечей скорых и серьезных заданий, к которым еще не были готовы курсанты. Выпускать в ночь только что оперившихся ребят он не мог, хотя «стремление к риску», о котором говорил комиссар Маркин, переполняло многих. Плоховато шла спецподготовка. Из трофейного оружия «мазали» по движущимся мишеням, некоторые, как слепые котят, ходили по азимуту¹⁰, физически слабые отлынивали от вольной борьбы. Он понимал, что война заставляет утрамбовываться год до месяца, но не мог подавить в себе внутреннего протеста, если это касалось семнадцати-восемнадцати-летних мальчишек, которых невозможно в столь короткое время сделать бывальыми мужчинами. А надо! За счет вос-

лись самолётами с аэродрома в Саратове к линии фронта.

⁷ **Самолёт Р-5** — Р-5 – советский многоцелевой одномоторный самолёт 1930-х годов, созданный в ОКБ Поликарпова в 1928 году

⁸ **Самолёт СБ** – АНТ-40 (СБ) – скоростной фронтовой бомбардировщик. Самый массовый серийный самолёт разработки КБ А. Н. Туполева.

⁹ **Истребитель «харрикейн»** — Хоукер **Харрикейн** (англ. Hawker Hurricane) – британский одноместный истребитель времён Второй мировой войны,

¹⁰ **Азимут** – угол между направлением на север и направлением на какой-либо удаленный предмет

кресений, которых так мало, за счет ночей, которые так коротки, за счет каждого часа отдыха. Надо сделать настоящих бойцов, иначе он, гвардии капитан Бурков, будет поставщиком пушечного мяса.

– Вот так-то, голуба! – проговорил он вслух, забористо ругнув себя за потраченное на невеселые думы время и, выдернув из ящика стола словарь, стал разбирать инструкцию по летной эксплуатации истребителя «харрикейн», составленную на английском языке.

За распахнутым окном гудела ночь, взбудораженная моторами, исполосованная прожекторными лучами и вспышками стартовых ракет.

В небе бодрствовали летчики-буксировщики. Непривычным прерывистым ревом отличались двигатели трофейного «хейнкеля», на котором тренировался старший лейтенант Костюхин. На самолете переокрасили знаки, заменили надписи под приборами, сняли вооружение и броню, а вой моторов так и остался волчьим.

По следу

Кроткий, ссылаясь на плохое самочувствие, упорно отказывался от предложения инструктора Дулатова.

– Не пойду, товарищ лейтенант. Чего портить парубкам отдых? Хлопцы гарные, правду говорю. А если и выпьют малость – греха нема.

– Хочется тебе или нет, а ты пойдешь, Кроткий, – сказал Дулатов. – Все!

Кроткий тащился за Дулатовым по кромке лесопосадок едва передвигая ноги. Дулатов дождался курсанта и вытолкнул его вперёд себя. Дулатов спешил, пытаясь не упустить из виду Донского и Романовского, но Кроткий остановил его и пообещал найти их по следу. Теперь он шел впереди, слегка ссутулив плечи и опустив лобастую голову, густо покрытую тугими светло-рыжими завитками. Гимнастерка обтянула широкую, одинаковую в плечах и талии спину, толстые ноги, обернутые голубыми обмотками, осторожно ступали по мягкой траве. Дулатов, всматриваясь в землю, никаких следов не замечал и поэтому, пристроившись сбоку, поглядывал на идущего по следу курсанта. В данный момент Кроткий поразительно напоминал занятого делом Романовского. Так же распахнуты глаза, только с блестящими черными крапинками в зрачках, та же непринужденность мастера, только в походке, бесшумной и быстрой. Колхозник с равнины

за несколько месяцев учебы впитал в себя «науку следопыта», хотя был еще и не шибко грамотен. Изредка подергивая красноватым, облезшим на солнце носом, Кроткий хмыкал так же, как Романовский. Но в широченных, не юношеских плечах, в длинных опущенных руках, в толстых пальцах, полусжатых в кулак, у Кроткого чувствовалась скрытая, дремлющая сила. Он нагнулся, и в выражении его лица Дулатову почудилось что-то хищное. Курсант вошёл во вкус преследования.

За лесопосадками простиралось желтоватое гречишное поле. Скрываясь за последними кустами, они увидели маленькие фигурки Донскова и Романовского. Курсанты двигались к редкому орешнику на берегу Волги.

Кроткий остановился, попросил разрешения курить.

– Или в перелеске, или на берегу сядут, – слюнявя край самокрутки, невнятно пробормотал он. – Не сбрешу про Володьку, а Борька чудной. Выдали нам по пятнадцати пачек «Северной Пальмиры», папироски – баловство, так я за них выменял у Мессиожника пять фунтов самосаду, а Борька опять же – плексиглас. Потопаем, товарищ лейтенант, теперь можно.

Пошли напрямик. Кроткий старался не ломать стебли гречи и, когда не получалось, оборачивался, подбирал выпавшие зерна, тяжело вздыхал. Дальше шел странно, высоко поднимая коленки. Дулатов старался идти в след.

– Товарищ лейтенант, вчера транспортник из-под Сталин-

града прилетел, мы его пробоины заклеивали, так летчик гутарил, что двадцать первого августа в районе Абганерово немчура сильно вдарила по первому оборонительному обводу наших войск. Это верно?

– Официально не слышал, – буркнул Дулатов и, глядя на пятнышко пота, проступившее на гимнастерке между мощными лопатками Кроткого, меняя тему разговора, спросил: – Почему курсанты зовут вас Боцманом? И сколько вам действительно лет, Кроткий?

– Думаете, темню, ховаю годки? Так выгляжу потому, – Кроткий поднял руки с растопыренными пальцами, – што их с малолетства из земли не вынимал. От солнышка до темноты работал. А Боцманом... я ж старшина их, команду над ними держу. Володька кличку приклеил. Подходим к орешнику. Тихо!

Сначала они услышали разговор, потом увидели Донскова. Он прикручивал к ветке проволоку с котелком на конце. Кроткий упал в прошлогодние прелые листья, Дулатов прилег рядом, стараясь не испачкать обмундирование.

На маленькой зеленой полянке Донсков и двое незнакомых солдат со значками десантников на петлицах разжигали костер под котелком и открывали ножами консервные банки. Борис Романовский чистил картошку. Картофелины летели в котелок, вышибая оттуда брызги.

Один из десантников снял гимнастерку, расстелил по земле. Второй, остролицый, поставил на импровизированную

скатерть бутылки с мутноватой жидкостью, банки, кружку. Уселись в кружок. Романовский и Донсков спинами закрыли гимнастерку с разложенными припасами. Дулатову виднелись только буханка черного хлеба и эмалированная кружка. Большая рука подняла кружку, и Дулатов увидел ее доньшко над мощным кадыком десантника. Будто бильярдный шар дважды передвинулся под кожей, и пустая посуда опустилась на место. Десантник с кончика ножа снял губами сероватый кусок, а нож метнул в ствол орешника. Коротко свистнув, клинок впился в дерево. Десантник с набитым ртом радостно замычал и захлопал в ладоши.

– Вот это копьё! За такой подарок наш «батя» кроме «спасибо» и наркомовские сто грамм поднесет. Чарку мастеру! – сказал он, проглотив закуску, налил в кружку из бутылки и протянул Романовскому.

Пытавшегося встать Дулатова удержал Кроткий. На красноватом лице его просительная мина.

– Разве запрещается пригубить горилки в отпуске? Поглядим, побачим, товарищ лейтенант, – прошептал он.

Солдаты пили, ели, громко разговаривали. Остролицый рассказывал, что первыми парашютистами были африканские негры. Держа над головой пальмовые ветки, они прыгали с обрывов и скал, плавно опускались на землю. Десантник без гимнастерки захлеб хвалил своего командира, его справедливость, силу ума, смекалку. Дулатову очень хотелось послушать, а что скажут про него. Летает он не хуже других

инструкторов, курсантов понапрасну не обижает. Сюда пришел по приказу. Да ведь для их же пользы. Если он учился два года, то их надо поставить на ноги за шесть месяцев, да еще со спецподготовкой. Нет, недоброго слова они про него сказать не могут. Бот только кричал он вчера на Романовского, так не со зла, а хотел показать строгость. После такого нагоняя курсант должен переживать, а Романовский пошел в рощу собирать светлячков в коробочку...

Зазвучала гитара. Романовский пропел куплет, а потом четыре сильные глотки выбросили, как из мегафона:

*В бессильной ярости греми костями, смерч
Искать не будем бухты мы у скал...*

«Спелись, черти! – подумал Дулатов. – Не впервой, значит. Друзья по застолью. А я-то, остолоп, считал их порядочными ребятами! Правильно говорил капитан...»

Дулатова отвлеч от мыслей резкий прыжок десантника без гимнастерки. Из сидячего положения, не касаясь земли руками, он отпрыгнул метра на полтора в сторону и пригнулся, растопырив узловатые руки. Почти так же вскочил и Донсков. В его правой ладони что-то блеснуло. Намного выше ростом, он навис над десантником, готовый ударить. Неуловимым движением тот подался вперед, крикнул, и Донсков упал ему в ноги с выкрученной назад рукой.

Избиения своих курсантов Дулатов допустить не мог. Он

вскочил и бросился вперед. Увидев перед собой разъяренного лейтенанта, десантник отпустил Донскова и схватился за гимнастерку. Но и Дулатов потянул ее. Хлеб, лук, банки полетели на землю, звякнула обо что-то твердое бутылка, в нос ударил сладковатый запах. Десантник дернул, и в руках Дулатова остался рукав гимнастерки.

– Кроткий, ко мне!

– Смылись! – развел руками Кроткий.

Дулатов пощупал одежду и покраснел. Он постарался сделать строгое лицо и сухо обратился к Донскову:

– Где же ваши собутыльники? Романовский где?

– Почему собутыльники? У одного не было увольнительной, вот и сбежали. Борис за компанию.

– Курсант Кроткий! Вы отведете Донскова в санитарную часть, где определяют степень опьянения.

– Я трезв.

– Выясним... А пока ликвидирую увольнение и приказываю отправиться в часть!

– Товарищ лейтенант, нюхните! – Кроткий совал в руки инструктору отбитое донышко бутылки с каплями влаги. – Солодом пахнет. Сладкое!

Дулатов брезгливо отмахнулся: «Идите!»

Спустившись с обрыва к Волге, он разделся. Поплескавшись в парной воде, вылез на берег, улегся на горячем песке. На глаза попало зеркальце, вынутое из кармана вместе с документами. Дулатов поднял его. В стеклышке отразилось

грустное смуглое лицо, скуластое, большеухое. На прямых жестких волосах и длинных ресницах капельки. «Никакой значительности нет в твоей рожице, Александр Ахметович. Кроткий и то значительней смотрится, солиднее. Усы, что-ли, отпустить?»

Ему хотелось обдумать случившееся, обдумать неторопливо и основательно. Он брал в пригоршню песок, пропускал его между пальцами тонкими желтыми струйками. За несколько раз насыпал перед собой бугорок с острой вершиной. Мысли путались, и он резким движением ладони разрушил песчаную пирамиду. Долго и бездумно смотрел на подлесок, подступивший к самому обрыву. Потом улыбнулся: если чуть-чуть пофантазировать, молодые деревья очень походят на его ребят. Вон кряжистый дубок, его корни крепко держат землю от осыпи, листья его редкие и маленькие, а кора уже шелушится, как у старого мудрого дуба. И если дубок напоминает Кроткого, то вон тот упругий ясень – Донскова. У деревца крепкие длинные ветки, из таких выгибают хорошие боевые луки. Ясеновая жестковатая крона звенит под мягкими порывами ветра, как спущенная тетива.

Дулатов разыскал в подлеске и «Романовского»: издали трудно было разобрать, какой породы это дерево, оно за-слонялось другими, было все время в тени, и поэтому ствол, тянущийся вверх, был тонким, хрупким. Дереву не хватало силы, и только на самой макушке оно сумело выбросить

несколько неказистых веточек.

* * *

Романовский лежал в кустах, уткнувшись лицом в сложенные руки. Над ним звенели комары, путались в густых каштановых волосах, липли к шее и рукам, но он не поднимал головы, не шевелился. Если бы затих лес, не тенькала пеночка в орешнике, не журчал поблизости ручей, можно было бы услышать глухую брань, которой Романовский отвечал на свои горькие думы.

Почему удрал? Что заставило ломиться через кусты, падать, обдирать колени? В чем он провинился, чтобы так трусливо скрыться? Ни в чем! И все же, когда увидел перед собой инструктора, какая-то неведомая сила подняла и заставила бежать.

Он быстро опомнился. Ну и что? Ведь скрылся, не вернулся! Так же беспричинно оторопел, когда лейтенант застал его в ангаре. Сказать бы о разрешении начальника цеха работать до выставления сторожевого поста, а он не сказал. Не сумел объяснить, для чего делает нож, Володька поругал его тогда, обозвал. И правильно. Трус!

В орешнике опять то же острое чувство мгновенного страха. Нет, не зря заставляет Владимир прыгать в воду с десятиметрового трамплина. Пока летишь, умираешь дважды. И это чувство у него с детства.

Борис вздохнул, сел, стряхнул сухие листья и комочки земли с гитары, которую даже в паническом бегстве не забыл прихватить, и тронул струны. Тонко, жалобно откликнулся резонатор.

Гитару сделал отец. Грубые пальцы рабочего кузнечного прессы выточили каждую дощечку, лаская, отполировали гриф, на самодельном токарном станочке вырезали фигурные колки. И когда инструмент засиял лаком, отец протянул его сыну: «Моими клещами только подковы гнуть, а не играть. Так что струны сам натягивай, Борька. Подарок тебе. И положено, брат, обмыть!»

И «обмыл». Пьяным отец был каждую субботу. Приходил домой и поднимал пудовый кулак на мать. Почему? Борис стал догадываться недавно. А тогда, обозванный «байстрюком», в ужасе забивался под койку и свивался в клубочек. «Не прощу-у!» – ревел отец.

В воскресенье батя опохмелялся, просил прощения у матери, а сыну позволял разбирать именно «смит и вессон» – револьвер, подаренный лично Климентом Ворошиловым за ликвидацию банды. Это было самой большой радостью Бориса. Потом они пели. Первой песней, которую разобрал Борис на гитаре, была «Каховка». От нее батя смягчал, надевал выходную робу и шел в заводской сквер снимать свой портрет с доски Почета.

Но вскоре опять приходила суббота. Рос Борька на материнских слезах. Трезвый отец научил сына красиво работать,

а субботние пьяные скандалы поселили в мальчишке страх перед силой, перед авторитетом, перед всем неожиданным и непонятным.

Ясным июньским утром сорок первого года воинский эшелон увез отца на запад. Недалеко уехал солдат-доброволец от дома, попал под бомбу, упал – будто споткнулся, да не встал.

*Лебеди черные стаей растрепанной
Нам принесли письмецо...*

– *Так и не встал он, в муравушку втоптаный...* Эх! – Борис отложил гитару, сорвал травинку, задумчиво зажевал.

* * *

...С десанниками было проще, чем думал лейтенант Дулатов. И Донсков и Романовский встречались с ними не для пьянства. И пили не самогон, а домашний солодовый морс, обменянный на хлеб у Мессижника.

В школе курсанты-планеристы обучались приемам вольной борьбы. Занятия проводил старший лейтенант Костюхин, неплохой борец и методист. Но подошло время, когда Донскова уже не удовлетворяли уроки Костюхина, в них отсутствовали боевые приемы. Тогда он завел знакомство с мастерами рукопашного боя из соседней десантной части. Сол-

даты-десантники имели опыт диверсионной работы в тылу врага, были хорошими товарищами. Борис по их заказу делал ножи. Иногда на встречу приносили и простую еду, потому что атлетов-парней не насыщал скромный солдатский паек, а курсанты питались значительно лучше. В показе приемов борьбы десантники не скупались. Лейтенанту почудилось, что Донсков кинулся на солдата с ножом, но это была алюминиевая ложка.

Романовский поднялся, вытер рукавом глаза. Цепкими пальцами пощупал костистые плечи, худую грудь и тяжело вздохнул:

– Эх, дубина! Стеньга гнилая!

Подняв гитару, он поплелся в военный городок. Туда же неторопливо возвращались Донсков и Кроткий. Первым заговорил Донсков:

– Скажи, Боцман, ты почему не обозначился, не пошумел в кустах?

– Я ж выполнял приказ.

– Лучше б ты лопнул от усердия!

– Неправильно гутаришь. Выполнить приказ – святое дело! У нас принято: батяка сказал – умри, значит, помереть должен. Тут для меня батя – любой командир. Да и не додумал я, что лейтенант горячку спорет. Я ж давно понял, для чего вы по кустам хороводитесь. Тренируешься?

– Скоро соревнования. Постараюсь взять у тебя реванш?

– Тю-ю-ю. Силы у меня больше. Дожму я тебя, Володька.

– Давай, Боцман, давай, только пупок не надорви! – Донсков ударил Кроткого по плечу. – Службист ты и, кажется, выскочка! Рыжие любят сколачивать карьерешку... А с Борькой вот плохо.

– Чего?

– Не твое дело! Веди в санчасть.

Глава 2. Начало испытаний

Шаг в сторону

Самолет заморгал огоньками: «Отцепляйся!».

Донсков дернул кольцо буксирного замка, и планер словно остановился в небе. Ушел к земле утробный звук двигателя. Внизу показались неяркие фонари посадочной полосы.

Первый Разворот.

Теперь по заданию надо выключить консольные огни, а освещение кабины убрать до самого малого. Донсков повернул колесико реостата.

Прямо в лицо светил желтый месяц, выбеливал нос планера, лобовые кромки длинных крыльев. Глаза привыкали к небу. Оно уже было не черным, а с играющими синими тенями. Беспорядочно бегущие облака закрывали на мгновение звезды, и как бы подмигивали далеким загадочным планетам.

А ближе всех тонкая, согнутая долька луны. Только опять закрывает её большое неторопливое облако и медленно наполняет серебристым светом. Кажется, висишь, как парящая птица. Океан...

Пацаном Володя Донсков мечтал прорываться сквозь штормы, в компании отчаянных парней брать на бордаж

неприятельские корветы, поднимать свой флаг на реях побежденных судов. Мечту навеяли книги, читанные запоем и без разбора. Но однажды он спросил отца: «А куда все время плывут облака?» Оказалось, что жизнь неба таинственна, люди, покоряющие пятый океан, умны и дерзновенны, они, как и моряки, прокладывают путь по звездам, но они ближе к ним. Люди – птицы...

Второй разворот.

Теперь облака плыли на планер. Донсков вспомнил белое, мягкое, как пух бабьего лета, облако. К нему в детстве запускать он свой первый змей. С тем облаком уплыло и его детство. Ему казалось уплыло навсегда. Но он всё же догнал его в гондоле учебного аэростата. Догнал, но не почувствовав свободы полета. Аэронавт – пленник неба, а не его хозяин. Нестись по воле воздушного потока, подниматься и опускаться по капризу температур, садиться там, где не хочешь, – незавидная доля. Но по молодости пареньку не положены были крылья, и помощником аэронавта он прилипал к тучам, травил газ из шара, уходя от молний к земле, сбрасывал балласт, чтобы не столкнулся с землей.

Третий разворот.

Смутное небо сороковых годов, черные облака, замешенные на выплаканных слезах. Временами мерещилась спираль прицела, узились глаза. Явь была прозаичней: неполных семнадцать! Значит, гонят тебя из военкомата, закрыты двери летных училищ – жди, жди, жди! Он не стал ждать,

а приписал в метриках несколько месяцев. Получил планер, а в нем штурвал и крылья, но без мотора.

Четвертый разворот.

Летчики смеются: «Курица не птица, планерист не летчик!» Или, скромно потупившись, загадывают, пряча усмешку: «Не летчик, а летает, не собака, а на привязи. Кто?» А летчик – старший лейтенант Костюхин на подметках сапог рисует изображение планера, попирая достоинство планеристов. И в чем-то они правы. Какой же ты пилот, если не от тебя зависит полет крылатого аппарата? Как ты сможешь разить врага на беспомощном планере? Чем отличается планерист от аэронавта? Только выбором направления. А как его выбрать правильно? Пора выравнивать планер.

Беспорядочные мысли одолевали Донскова, но не мешали точно пилотировать планер. Приближались посадочные костры. Лизнуть бы поле прожектором, но по заданию нельзя. Донсков потянул на себя штурвал и почувствовал касание земли. Торможение замедляло бег планера. Легкий клевок – остановка. Пока подойдет трактор для буксировки, есть время посидеть в кабине, посмотреть с аэродромной горы на город.

Немецкие стратеги планировали захватить Саратов 10 августа 1942 года и просчитались – сейчас сентябрь. С тринадцатого они штурмуют последний оборонительный обвод Сталинграда, рвутся в город. А Саратов громят с воздуха, пытаются разрушить мост через Волгу, перерезать артерии

сталинградцам. Только не получается.

Город не спит. Где-то там, на Шелковичной улице, и его дом, мать, ждущая весточки с фронта, крошечная сестренка Майка. Отец почему-то долго не пишет. Где ты, папа?

Послышалось фырчание старого «фордзона»¹¹. На этом тракторе, собранном курсантами из железного лома, форд-зонавским был только капот, чудом не сгнивший на свалке. Но он давал право планеристам частенько весело припевать:

*Прокати нас, Петруша, на тракторе,
До ангара ты нас прокати...*

Выбрасывая искры из выхлопной трубы, трактор пятился к планеру. Задняя фара пучком света уперлась в буксирный замок.

– Э-ге-ге-гей, Володька, вылазь, цепляй трос! – закричал дежурный «Петруша» Кроткий.

Ночным полетом Владимира Донскова начались трехдневные соревнования планеристов. Мысль провести соревнования вместо инспекторского смотра подал Маркин. «Для предстоящей операции нам нужно отобрать всего несколько человек. По-настоящему лучших все-таки выявит соревнование, а не общий смотр, – сказал он. – При смотрах мы видим только бойца, а здесь появятся задор и молодое упрям-

¹¹ **Фордзон**-Путиловец – колёсный трактор, выпускавшийся на заводе «Красный Путиловец» в Ленинграде с 1924 года по лицензии компании Форд. Это была копия американского трактора Fordson-F

ство!» С комиссаром согласился полковник Стариков, и члены комиссии по проверке боевой подготовки превратились в спортивных судей.

Судьи знали дело и были придирчивы. Уже под утро закончились полеты на точность приземления грузеных планеров по кострам, и лейтенант Дулатов узнал, что никто из его группы не вошел в пятерку лидеров. Он прорвался в кабинет Маркина, хотел заявить протест, но его вежливо выставили в коридор, где он попался на глаза комсorghу школы, и тот дал прочитать ему только что принятое решение комитета:

«Комсомольцам, показавшим очень низкие результаты, предложить временно снять с гимнастерок значки Ленинского комсомола. Решение теряет силу, если отмеченные товарищи достигнут хороших результатов на следующем этапе соревнований».

По этому поводу экстренно выпущенная стенная газета «На abordаж!» приспустила траурный флаг с надписью: «Вы опять оскандалились, „корсары“!» Правда, в отдельной заметке, подписанной всеми членами комсомольского бюро, выражалась надежда, что питомцы лейтенанта не подведут организацию на стрельбах из трофейного и старого оружия. И вот песчаная осыпь обрыва Соколовой горы, уставленная фанерными силуэтами немецких солдат. Из-под черных касок, похожих на ночные горшки, смотрят искаженные злобой рожи, а чуть выше полоски, изображающей ремень, бе-

лый кружок мишени. В эти кружки нацелены стволы пулеметов.

– Огонь!

Не торопясь, деловито старшина Кроткий жмет гашетки «максима», и на осыпи, за черной каской фанерного солдата, вспыхают и сразу опадают песчаные холмики. Стук пулемета, пламя на его рыльце, мерцающий след пулевой трассы всколыхнули память Кроткого.

– Получай, сволочь! Глотай, поганый Вьюн! – шепчут его белые губы.

– Три! – кричит судья справа. Это значит – из пяти полновесных очков уже отняты два за длинную очередь. Судья слева молчит: он не увидел нарушений в изготовке к стрельбе. Зато из окопа перед мишенями поднимается щит, на котором сиротливо чернеет единичка. Всего одно поражение цели!

Кроткий встает сначала на колени и, чуть повернув налитую кровью шею, прикрывая рыжими ресницами виноватинку в глазах, исподтишка смотрит на Дулатова, нервно вышагивающего за линией подготовки. Дулатов демонстративно отворачивается и долго рассматривает город, задернутый маревом.

– Дук-дук-дук, – стучит «гочкис» в руках Бориса Романовского. Из середины мишени летит щепка. Простым глазом видны пробоины на темной фанере.

– В пупок! – восторженно кричит стрелок и испуганно

зажимает рот ладонью. Но поздно. Несмотря на снайперскую стрельбу, судьи снимают с Романовского пять баллов за плохую дисциплину.

У Владимира Донскова на огневом рубеже заел немецкий МГ-34.

– Устранить неисправность! – приказывает судья.

Всего четыре движения руками. Носовой платок скользит по вынутому затвору. Просматривается гнездо. Причина найдена: затвор упирался в камешек, попавший туда, конечно, «случайно». Судьи довольно улыбаются и за быстрое устранение задержки добавляют четыре очка призовых. Не пропадают у них улыбки и после стрельбы.

Когда отстрелялись из «виккерса»¹² и отечественного ПТР¹³ по силуэту танка, лейтенант Дулатов уже не бегал и не кусал ногти. На лице появилось и застыло до конца стрельбы независимое выражение: дескать, знай наших!

«Корсары» по сумме очков уже подпирали «чкаловцев» – лидеров соревнования. И тем досаднее был «ноль», полученный Кротким и Донсковым на гонке преследования.

Кроткий большой скорости вел «хорьх», а Донсков должен был из окна автомашины поразить автоматным огнем

¹² «**виккерс**» – Станковый пулемёт «**Виккерс**» с брезентовым чехлом на кожухе водяного охлаждения и квадрантным прицелом на станке-треноге.

¹³ ПТР – Противотанковое ружьё (**ПТР**) – огнестрельное ручное оружие, характеризующееся большой дульной энергией пули и предназначенное для поражения бронетехники противника.

появляющиеся мишени. Трасса «преследования» извивалась по берегу Волги. «Хорьх» то буксовал в мокром песке, то резал колесами воду мелких заливчиков и поднимал фонтаны брызг. Донсков трясся на заднем сиденье, сжимая в руках взведенный ППШ¹⁴. Он до боли в глазах всматривался в пролетающие за бортом кусты; кусты прыгали вверх и вниз, сливались в сплошную серую ленту, разрывались, и тогда мелькали желтые куски обрывистого берега.

– Не гони, – попросил Донсков.

– Скорость заданная! – возразил Кроткий, но все-таки немного сбросил газ, и Донсков увидел над кустом бересклета белый щит. Он высунул ствол автомата из окна, сблизил пляшущую мушку с белым пятном, и тут брызги из-под колес хлестнули по лицу. Автомат ойкнул одиночным выстрелом и замолк. Зато уж Донсков отвел душу на сконфуженном Кротком.

К следующим мишеням Кроткий подвел автомашину почти вплотную, рискуя выворотить колеса на береговых каменистых увалах. Но наблюдающие разгадали уловку экипажа и показали мишени всего на две-три секунды. Автоматные пули срезали только несколько веточек.

– Мазила! – пробасил Кроткий и смачно сплюнул за борт.

Последняя надежда вырваться вперед оставалась в многоборье, которое начал юркий маленький курсант по прозвищу

¹⁴ ППШ – ППШ-41 был самым массовым пистолетом-пулеметом второй мировой войны. Он состоял на вооружении с 1941 по 1951 годы...

Муха. Он преодолел штурмовую полосу быстрее всех. Чувствуя за спиной дыхание длинноногого верзилы, казалось, готов был выпрыгнуть из обмундирования. Верзила уже настигал. Но неожиданно свалился с бревна и безнадежно отстал. Муха, истратив силы, не мог перемахнуть яму с водой. Он спрыгнул в нее, ткнувшись руками в донный ил, на коленях выполз, и мокрый, весь в желтой глине, но с улыбкой до ушей, хлопнул по плечу дежурившего у ямы Кроткого.

С винтовкой наперевес Кроткий рванулся к подвешенным чучелам. Два проткнул штыком, а третье долбанул прикладом так, что оно сорвалось с веревки. И опять с губ слетело имя «Вьюн», перемешанное с ругательствами. Кроткий огромными прыжками проскакал стометровку, чуть не свалил Донскова, сидевшего у развернутой полевой радиостанции, выпалил:

– Третья плита. Сюрприз. Толовые шашки. Взопрел, бисова мать!

Донсков мягко положил руку на телеграфный ключ, и слова Кроткого, кроме последних трех, полетели в эфир в виде точек и тире.

За двадцать километров от аэродрома, на берегу реки Курдюм, радиограмму принял сам лейтенант Дулатов – приказал Романовскому:

– Найти плиту номер три. Подорвать толовым зарядом. Внимание – сюрприз!

Борис Романовский взял сумку с толом, на карте нашел

ориентир №3, по стрелке ручного компаса определил направление. Он бежал через тальник, потом пересек поляну, заросшую серой колючкой, и у старого пня нашел плиту. Сел на пень отдышаться. Отдувался и приглядывался, что же за сюрприз?

Между двух квадратных железобетонных пластин зажат стальной лист трехмиллиметровой толщины. Комбинированная плита не лежит, а стоит, подпертая куском водопроводной трубы. Значит, заряд должен быть подвесной. Романовский на глаз определил толщину железобетонных пластин, кроме того, учел и маленькую хитрость готовивших «сюрприз»: между пластинами и стальным листом оставлен зазор. Если рассчитать заряд на плотное прилегание, то после взрыва одна из пластин отпадет, но останется целой.

Через несколько минут бруски тола, прикрученные бечевой, плотно прилипли к центру плиты. Романовский достал из кармана медный детонатор и моток бикфордова шнура.

Из кустов ивняка вышел младший лейтенант – сапер, приглашенный в судьи от десантников.

– Не торопитесь! – Он проверил заряд, заглянул в записную книжку, благосклонно кивнул: – Расчет вы произвели в уме? Молодец! Рвите!

После взрыва «сюрприз» лежал на земле с приличной дыркой.

Эстафета продвинула группу лейтенанта Дулатова на второе место. Финал личного первенства в борьбе без оружия

проводился в спортивном зале. Немногочисленные зрители из курсантов, окончивших соревнования, расположились вокруг мат-ковра. На низкой скамеечке у шведской стенки стояли кубки: серебряный и синий, с гербом Советского Союза на эмалированном боку. Этот приз учредил комитет комсомола.

На ковер вышли давние соперники – Кроткий и Донсков. Судил схватку их тренер, старший лейтенант Костюхин. Заложив руки за спину, он ходил около мат-ковра. Вот он поднял руку и щелкнул пальцами.

Борцы сошлись на середине ковра и пожали друг другу руки.

– Начали! – Костюхин поправил на шее шнурок со свистком.

Напряженные руки Донскова и Кроткого сплелись...

В самый разгар борьбы в зал вошли полковник Стариков и Маркин. Они уселись на скамейку под шведской стенкой и тихо продолжали какой-то ранее начатый разговор.

– Очко! – выкрикнул Костюхин, показывая на Кроткого.

Борец за удачно выполненный бросок через бедро получил очко, и возглас судьи вызвал на его широком красном лице торжествующую улыбку. Он не успел прижать к коврику вскочившего Донскова и теперь старался захватить его в замок сильных рук. Кроткий шел на противника, согнув спину, растопырив длинные руки. Спокойные до равнодушия глаза Донскова ему не нравились. Сколько раз прежде он не успе-

вал предупредить молниеносного действия и оказывался побежденным. Кроткому всегда не хватало доли секунды, и поражение от физически более слабого противника вызывало горькую досаду.

Сегодня Донсков проигрывал. Приход Старикова и Маркина обострил схватку. Хотя объятия Донскова и причиняли Кроткому боль, он упорно шел на захваты, стараясь навязать силовую борьбу. В тренировочных схватках разрешалось все, кроме приемов джиу-джитсу и каратэ, наносящих мгновенно травмы.

Сейчас Кроткий все же поймал мелькнувший зайчик в серых глазах противника и опередил его. Левую руку Донскова, скользнувшую к предплечью, перехватили крючкова-тые пальцы Кроткого, удачно вывернули, и с криком «га!» он всем корпусом рванул ее вниз. Донсков грудью ударился о ковер, судорожно разбросал в стороны ноги.

В спортзале повисла тишина. Прекратили разговор и подошли к борцам Стариков с Маркиным. Над борющимися склонился судья Костюхин, наблюдая за дальнейшей проводкой болевого приема.

Кроткий крутил руку. На ее вздутых мышцах проступили узлы сухожилий, вспухли темные вены. Как стрелка секундомера, подрагивали напряженно раскинутые ноги.

– Сдавайся, Вовка! – выдохнул Кроткий.

Донсков повернул к нему лицо, и столько боли и злости выразил его взгляд, что Кроткий промычал от досады и силь-

нее нажал на руку соперника.

Вывернутая рука Донскова, сбалансированная отчаянным противодействием мышц, замерла в одном положении. Казалось, еще немного – и Кроткий выломает кисть из локтевого сустава. Маркин шагнул к коври, но полковник Стариков предупредил:

– Минутку! Есть судья.

А Костюхин не торопился останавливать схватку, но как борец он не мог не представлять адскую боль Донскова.

Донсков молчал. Время шло. Костюхин не объявлял победителя, ждал, когда побежденный застучит ногой по ковру, признавая свое поражение. Кроткий сцепился глазами с противником, липкие потеки пота ползли у того по бурым щекам. Более тридцати курсантов Кроткий играючи положил или заставил сдать и боялся встречи только с этим. И вот победа. Явная победа. Это слово должен сказать судья. Кроткий взглянул на Костюхина. Тот моргнул: «Дави!» Кроткий удивленно смотрел на него, ослабляя нажим. Донсков быстро выгнул спину, подобрал под себя колени, спружинил правую ногу. Кроткий напряг мышцы. Но было поздно: Донсков оттолкнулся. Ступни, затянутые в белые тапочки, взвились в воздух. Крутнувшись на голове, он перевернулся, встал на колени, пойманная на прием рука соперника оказалась у него на груди. Ребром правой ладони он сильно ударил по напряженному плечевому бугру Кроткого, и тот на миг расслабился. Этого было достаточно, чтобы Донсков

вскочил, вскинул его руку на свое плечо, и грузное тело Кроткого поднялось в воздух. Классический бросок через плечо, если бы... если бы Донсков не сделал преднамеренный шаг в сторону. Совсем маленький шаг. Почти незаметно он развернулся и сошел с ковра. Брошенный Кроткий упал не на мягкий мат, а ударился о деревянный пол, крикнул. Костюхин бестолково метался около лежащего курсанта.

Маркин послал кого-то за врачом, отчужденно посмотрел на понурившегося Донскова, на его руку, висевшую плетью, и пошел к выходу. За ним полковник Стариков, укоризненно покачивая головой.

– Нарочно ударил об пол? – не то спросил, не то пояснил он Маркину.

– С Костюхиным придется серьезно поговорить... Старший лейтенант, прошу ко мне!

Костюхин подошел.

– Вам не кажется, что схватку надо было прекратить раньше?

– Я выполнял задачу, поставленную вами, товарищ комиссар. В поединке рождался чемпион. О каком же конце схватки могла идти речь, если не было убедительной победы? А шишки заживут.

– Ну-ну... – Маркин внимательно взгляделся в довольное лицо старшего лейтенанта обратился Маркин к Старикову.

– Пока свободны, старший лейтенант! – добавил Стариков.

Они пошли на стрельбище, откуда слышались короткие, в два-три патрона автоматные очереди. Курсанты сэкономили патроны и вырабатывали «десантный почерк», по которому должны были узнать друг друга в ночном бою.

К вечеру стало известно, что при прыжках с парашютом на точность приземления первое место занял Борис Романовский. Он затянул открытие купола на шестнадцать секунд и опустился точно в центр контрольного круга.

– Ты понимаешь! – тербил он лежавшего на кровати Донского. – Понимаешь, как все получилось? Летчик сказал: «Приготовиться!» Я вылез на крыло. А он рано дал команду. Очень рано, понимаешь? Летим и летим. Сколько, думаю, я буду торчать дураком над пропастью? Да и холодно. И махнул вниз. Услышал, как летчик крикнул: «Рано сиганул, раскоряка. За аэродром унесет!» Кольцо дернуть охота, поскорее раскрыть зонтик, да мешает мыслишка – если наполнится парус ветром, улечу за границу аэродрома, ребята засмеют и группу подведу. Пока думал, смотрю, а земля уже по лбу хлопнуть хочет. Дернул кольцо! Шарик тут как тут, под ногами! И врзался я в круг пятками, аж пыль столбом!

– С закрытыми глазами, – глухо сказал Донсков.

– Малость с закрытыми, – вздохнув, подтвердил Романовский. – А приз вот... жетон. Первое место.

Донсков лежал, уткнувшись лицом в подушку.

Право на риск

Циклон повесил над Саратовом черные, тяжелые тучи. Они набухали и с треском рвались над городом. Вода безостановочно лилась с неба, косо и жестко била в стены домов, бурлила в оврагах и дорожных выбоинах. В середине дня в кабинете батальонного комиссара Маркина царил полумрак. Полковник Стариков поднялся из кресла, включил освещение. Лица командиров, сидевших в комнате, посветлели и будто повеселели. Полковник улыбнулся:

– Ну, в конце концов, мы придем к решению? Ведь для выполнения задания нужно всего шесть человек! Сидим час. Может, все-таки назовете людей, капитан Бурков?

– Я уже говорил. Курсанты полностью не закончили программу и к выполнению боевых полетов не совсем готовы. Посылать – крайний риск.

– Уж очень мрачно.

– Вы спрашиваете, товарищ полковник, я отвечаю. Если будет приказ...

Стариков знал – приказ был: послать через линию фронта аэропоезд с боеприпасами и продовольствием для обеспечения предстоящего рейда по немецким тылам партизанского соединения генерала Ковпака. Для выделения лучших экипажей на совещание пригласили всех командиров планерной школы, и здесь он – полковник Стариков встретил

неожиданное противодействие командира отряда Буркова. Тот предлагал послать не курсантов, а командиров. Но в приказе командования подчеркивалось: чтобы не срывать дальнейший ход боевой подготовки в авиашколе, к полету допустить только одного командира. Стариков не хотел грубо нажимать, надеясь на поддержку комиссара Маркина, временно замещавшего начальника школы, но комиссар пока молчал.

– Считайте, что приказ у вас в руках, капитан Бурков. Выделяйте людей! – с легким раздражением приказал Стариков и опустил в кресло, всем видом показывая, что совещательная часть окончена. Он с минуту мрачновато разглядывал командиров, пока не увидел поднявшегося со стула лейтенанта Дулатова. Поощрительно улыбнулся ему.

– Если уж решено, берите мою группу! – сказал лейтенант. – Товарищ комиссар как-то говорил о воспитании в курсанте желания к риску, так многим моим ребятам приказывать не надо, они пойдут на любое задание с удовольствием, не жалея жизни.

– Умереть, Дулатов, иногда легче, чем выполнить приказ – негромко произнес Маркин. – А нам нужно выполнить. Желание риска – далеко не все. У ваших курсантов нет главного: права на риск! Да, да, права! Когда командир вызывает бойцов на опасное задание, бывает, весь строй делает шаг вперед, но командир отбирает только имеющих право на риск. Не каждого отчаянного, храброго можно послать на серьез-

ное задание, а только того, кто может успешно выполнить приказ. В отношении ваших курсантов, Дулатов, лично у меня такой уверенности пока нет... Но мы найдем людей. Завтра, товарищ полковник, шесть пилотов будут готовы. Фамилии капитан Бурков сообщит вам вечером. Так, Антон Антонович?

– Хорошо. Только ведущим группы...

– Конечно, пойдете вы, – прервал его Маркин. – А лейтенант Дулатов повезет курсантов в колхоз «Красная новь». Поможете селянам, у них рук не хватает. А через час на вокзал придет эшелон с ранеными из Сталинграда – тоже поможете санитарам...

Вечером Маркин вызвал в кабинет курсанта Донскова.

– Здравствуй, Владимир, садись. Секретарь парторганизации части, где служил твой отец, прислал письмо. Для тебя... Конверт один, извини, я прочитал. На.

«Парень крепкий, – думал Маркин, пока Донсков читал. – Держись, сынок, держись! Труднее будет матери. Её нужно подготовить. Кто это сделает? Я? Может быть, сам Владимир? Нет, я не могу, не имею нрава уйти от этого. Сколько мы с ней знакомы? Те годы нужно брать один за три!

С родителями Владимира комиссар был не просто знаком. Он немало прошел с ними по жизни. В девятнадцатом году к нему, молодому секретарю укома РКСМ, пришла девчонка. Он сравнил ее тогда с бледнокожей осинкой.. И этой худенькой зеленоглазой комсомолочке в четырнадцати дерев-

нях Саратовской губернии пришлось организовать началь-
ные школы. В одной из них она сама стала учительницей.
Первый год больше плакала, чем учила. Маркину приходи-
лось не раз ее утешать, вытирать нос, уверять, что шестна-
дцать лет – самый зрелый возраст для учителя. И, наверное,
для нее это было правдой. Через год она организовала в селе
Ковыловка комсомольскую ячейку, драмкружок. Под лозун-
гом «Долой религию!» комсомольцы играли даже классиче-
ские пьесы. После одного из спектаклей ее прямо из-за кулис
украли кулаки, завернули в тулуп, бросили в сани, вывезли
за село и зверски избили палками.

Лежа в больнице, она еще не знала, что в стране начали со-
здаваться пионерские организации. Выздоровела, и Маркин,
давая возможность девушке больше набраться сил, послал ее
инструктором бюро юных пионеров при Аткарском волкоме
комсомола. Председателем уездного бюро был молодой кан-
дидат партии Максим Донсков, поджарый, носатый, горячий
и упрямый парень. Прошло совсем немного времени, и он
сказал девушке: «Ты знаешь, Стася, я жениться собираюсь.
Хочешь знать на ком? На тебе. Даю срок до утра. Подумай!»

Не люб он был тогда, и сбежала Анастасия от греха по-
дальше, в Саратов. Только нашел ее Максим и здесь. Шалый и твердый был в своих решениях. Горькой жизни хлеб-
нул вдоволь. Семилетним парнишкой батрачил у кулака по-
гонщиком лошадей. Растирал ягодицы в кровь, заживать
не успевало. А в четырнадцать лет пристал к отряду Крас-

ной Армии, добивающему антоновцев. Пока не дали клинок и коня, ходил в разведку с уздечкой, в рваном зипуне, в лаптях. Потом признавался: «Тяжко было. Сяду, бывало, на курганчике, подальше от темного леса, жую ржаной ломоть и плачу. Страшно идти в лес, а иду».

Так вот, разыскал все-таки Максим Анастасию в Саратове и уговорил Маркина перевести его из Аткарска. Работал здорово и находил время ухаживать за «осинкой». Не раз прикрывал ее широченной грудью. В селе Романовка кулаки подпалили дом, в котором они остановились, – вышли из огня. В половодье пересекали на конях речку, свистнули пули, упал каурый под Анастасией – жеребец Максима вынес обоих. По заданию партии ликвидировали городскую буржуазию, и в одном из домов Глебучева оврага жена торгаша взмахнула у горла Анастасии бритвой – разъяренную ведьму вовремя схватил за руку Максим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.